

В.В.Тихонов

МОСКОВСКАЯ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛЫ «РУССКИХ ИСТОРИКОВ» В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ» (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимовосприятия российских историков-русистов Москвы и Петербурга. Автор показывает, что противостояние и особенности исторических школ Москвы и Петербурга были обусловлены различием менталитета научных сообществ обеих столиц, сформировавшегося под воздействием местной культурной среды. Автор также анализирует образы Москвы и Петербурга, сложившиеся у ведущих российских историков кон. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: историческая наука в России, Москва, Петербург, исторические школы, историческое восприятие.

Об авторе: Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, 117036, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

tihonovvitaliy@list.ru

Vitaly Tikhonov

MOSCOW AND ST. PETERSBURG SCHOOLS OF “RUSSIAN HISTORIANS” IN THE CONTEXT OF DICHOTOMY “MOSCOW vs. ST. PETERSBURG” (LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES)

Abstract: The article deals with the problem of mutual perception by students of Russian history from Moscow and St. Petersburg. The author demonstrates that the confrontation and peculiar features of the historical schools of Moscow and St. Petersburg were due to the difference in the mentality of academic communities of those two capitals, that had formed under the influence of local cultural environment. The author analyzes as well images of Moscow and St. Petersburg, formed among leading Russian historians of late 19th – early 20th centuries.

Key words: academic history in Russia, Moscow, St. Petersburg, historical schools, historical perception.

About the Author: Vitaly Tikhonov, PhD in history, senior researcher at the Institute of Russian History of RAS. Moscow, 117036, st. Dmitry Ulyanov, 19. tihonovvitaliy@list.ru

Дихотомия «Москва-Петербург» является устойчивым феноменом русской культуры. Антитеза возникла как следствие модернизационных процессов в стране, когда петровские реформы привели к разрыву между вестернизированной и традиционной Россией. Первая была идентифицирована с новой, северной столицей, а вторая – с Москвой. Развиваясь во времени и модифицируясь, дихотомия «Москва-Петербург», тем не менее, оставалась одним из главных источников формирования культурных мифов и стереотипов. В культурной мифологии XVIII – XIX вв. Петербург представлялся символом европейского пути России, ее приобщения к европейским ценностям. Москва же ассоциировалась одними с допетровской Русью и рассматривалась как оплот «азиатчины» и косности, другими – как центр истинно русской культуры.

Описанные выше образы были распространены в первую очередь в образованной интеллектуальной среде, основная масса народа, очевидно, смотрела на это несколько иначе. В.О. Ключевский как-то в свойственной ему язвительной манере написал о восприятии простыми русскими людьми своих столиц: «О Владимире он [народ] забыл, да и в свое время мало знал его; Москва была тяжела народу, он ее немножко уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже не боится»¹. Только к легендарному Киеву былинных времен люди относились положительно и с уважением. Очевидно, что историк, перечисляя столицы, имел в виду те государственные образования, которые они отождествляли. Здесь важно замечание о нелюбви русского народа к действующей столице.

Миф* о Москве и Петербурге активно эксплуатировался в русской художественной литературе, но, как и

¹ *Ключевский В.О.* Курс лекций по русской истории // В.О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. Т.1. М., 1987. С. 211.

* В данной статье принимается трактовка мифа «как второй реальности», предложенная А.Ф. Лосевым. Разделяется его

положено мифу, имел нечеткие и противоречивые очертания: «Созданный литературой миф о московско-петербургском противостоянии всегда входил в состав более фундаментального мифа о «столицах» и «провинции»... При этом «центр» выступает то в качестве источника прогресса, то разрушительного космополитизма, а «периферия» предстает то косной и отсталой, то родником истинно русской животворной энергии»². Впрочем, надо отметить, что Москва не рассматривалась как провинция, а скорее, как вторая столица, и это только подливало масла в огонь в споре двух российских центров, наблюдавшемся на протяжении всей истории Российской империи.

Процесс демифологизации был противоречив. По наблюдениям И.С. Розенталя: «Освобождение сознания от мифов по мере развития культуры не стало, как ожидалось в XIX в., доминирующей тенденцией, процессы мифологизации и демифологизации протекали одновременно. Сложившиеся ранее представления о Москве и Петербурге превратились в стереотипы: не только в зависимости от общественно-политических взглядов и эстетических пристрастий, но и в разные моменты жизни того или иного москвича или петербуржца, в соответствии с его душевными потребностями Петербург мог представляться исключительно со знаком плюс – цивилизованным, европейским, культурным, гармоничным, планомерным, или, наоборот, – неестественным, казенным, бездушным, нерусским; Москва – беспорядочной, хаотичной, полуазиатской или же почвенной, душевной, уютной, естественно-русской»³. В то же вре-

мнение, что «действительность мифична не сама по себе, а по отношению к субъекту, который ее так воспринимает» (Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 84.)

² *Смирнов С.Б.* Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000. С. 7.

³ *Розенталь И.С.* Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 16-17.

мя Москва и Петербург и их мифологизированные образы тесно переплетались, создавая образ страны в целом.

К концу XIX в. бытовые и культурные различия между городами из-за ускоренной урбанизации существенно сгладились. Приехавший в Москву в середине 1880-х гг. А.А. Кизеветтер вынужден был признать, что «Москва... в значительной мере оправдывала столь часто прилагавшееся к ней название “большой деревни”...». Но такое положение дел быстро менялось: «Уже на моих глазах, в самом конце 80-х годов и затем 90-х годах... Москва стала быстро изошрять свое европейское обличье... Сначала стали вырастать то там, то тут небоскребы, многоэтажные дома с массой квартир... потом пришли телефоны, автомобили и трамваи»⁴. Если в начале 1880-х гг. здесь еще можно было наблюдать остатки «старозаветного» дворянства и купечества, то затем «вышел на сцену новый купец, “джентльмен”, меценат, политический фронтендер, библиофил, декадент»⁵.

Известный московский историк, ученик В.О. Ключевского, М.М. Богословский не без ехидства и торжества писал: «Как одно из самых резких различий между столицами указывалась высота каменных петербургских четырехэтажных и пятиэтажных домов. Что теперь эти четырехэтажные дома перед московскими небоскребами?»⁶.

Но на смену одним мифам пришли другие. Петербург стали рассматривать как столицу имперской бюрократии, тогда как Москва позиционировалась как город бурного самоорганизующегося общественного движения, олицетворение национального характера в эпоху перемен. Важно подчеркнуть, что именно на рубеже XIX – XX вв. рассуждения о дихотомии Москва-Петербург приобрели новое дыхание. Обсуждалось все:

⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 22.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 110.

архитектурные и культурные различия, сравнивалось общество обеих столиц, политическая жизнь. М.М. Богословский вспоминал: «Прекрасно помню тогдашние разговоры о Петербурге в сравнении с Москвою»⁷. По мнению С.Б. Смирнова: «Для русского образованного человека рубежа веков постоянное противопоставление Москвы и Петербурга имело, наряду с прочим, и психотерапевтическое значение. Москва воплощала надежду на преодоление поразившего страну политического и духовного кризиса, а потому русские интеллигенты хотели видеть в ней оплот истинной русскости, залог стержневого здоровья русского общества»⁸.

Разговоры о Москве и Петербурге свидетельствовали о росте самосознания горожан Российской империи на рубеже веков. Некоторые исследователи даже считают, что в условиях упадка поместного дворянства, тесно связанного с загородными усадьбами и их культурой, на первый план выходит новое урбанизированное общество, связывающее свою жизнь с городской средой. Образованные горожане, обладая своеобразным «полисным» патриотизмом, острее чувствуют особенности своей городской среды обитания. Отнюдь не случайно, что именно в конце XIX – начале XX вв. возрастает количество трудов, посвященных истории городов, в особенности Москвы и Петербурга⁹.

На фоне активизации «московского патриотизма» петербургское самосознание имело ряд особенностей: петербуржцы не ощущали себя вполне европейцами или вполне русскими. Мироощущение жителей Петербурга формировалось на стыке двух культур. С одной стороны, это создавало своеобразный комплекс неполноценности, заключавшийся в том, что петербуржцы-интеллектуалы не могли четко идентифицировать себя с какой-либо культурой. С другой – они оказывались заметно терпимее к раз-

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Смирнов С.Б. Указ. соч. С. 69.

⁹ Там же. С. 71.

ным культурам и субкультурам, что отразилось и в процессе историографической коммуникации. Именно петербуржцы заметно активнее шли на контакт со своими коллегами из других университетов.

По мнению специалистов, в начале XX в. в среде петербургских интеллектуалов наблюдается рост критицизма по отношению к родному городу, а также его мифу. Ярко это выразил А. Бенуа: «Москва богаче нас жизненными силами, она мощнее, красочнее... она способна сложить особые, чисто русские характеры, дать раскинуться смелости русской мысли». Впрочем, в отличие от европейски дисциплинированного Петербурга, «Москве чужд дух дисциплины...»¹⁰. Г.П. Федотов доводил эти рассуждения до логического конца: «чиновный, умеренно-либеральный, европейски просвещенный, внутренне черствый и пустой» Петербург противопоставлялся «безвластной и вольной, широкой и святой» Москве, которая «по сердцу (а не идеям) всегда была либеральной: здесь либералы православны и чуть-чуть толстовцы»¹¹. Безусловно, реальность была гораздо сложнее процитированных выше текстов, отражавших, тем не менее, расхожие настроения.

2

Итак, дихотомия Москва-Петербург являлась важным элементом духовной жизни России, представляла собой неотъемлемую часть культурной мифологии. Учитывая тот факт, что наука (особенно гуманитарная) является частью общекультурного ландшафта своего пространства и времени, то логично предположить, что данная дихотомия могла заметно повлиять на развитие отечественной исторической науки.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Москве и Петербурге в местных университетах окончательно

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ Федотов Г.П. Две столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 209, 211, 213.

складываются исторические школы, переживающие короткий расцвет. Формируясь в насыщенной культурной атмосфере, они неизбежно оказывались подвержены той мифологии, которая получила распространение в их интеллектуальной среде. Эта среда являлась питательным источником различных стереотипов, от которых трудно было отделаться даже столь высокообразованным людям, которыми, без сомнения, являлись выпускники Московского и Петербургского университетов.

В данной работе анализу будут подвергнуты только т.н. «русские историки», то есть специалисты по истории России. Автор оставляет за скобками многочисленных всеобщих историков. Подобный подход связан как с ограниченностью его сведений о них, так и с желанием сконцентрироваться на рассмотрении вполне конкретных школ специалистов по отечественной истории, а не всей среды, довольно пестрой и неоднородной, петербургских или московских историков.

В современной историографической литературе «школа» трактуется как «совокупность ученых, объединенных общим направлением научного поиска, общностью научных взглядов и принципов»¹². Также указываются и на ментальные аспекты школ в исторической науке. Важнейшим критерием разделения научных сообществ является их самосознание. По меткому замечанию А.Н. Шаханова, «для представителей научной школы характерна субъективная убежденность в обладании ими истинным знанием и осознанием принадлежности к особой исследовательской или педагогической корпорации»¹³. Самосо-

¹² *Попов А.С.* Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис...докт. ист. наук. Пенза, 2002. С. 13. Подробнее о школах см.: *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

¹³ *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 31.

знание в значительной степени формируется той социально-культурной средой, которая окружает человека.

Специфика профессиональной деятельности историков приводила к тому, что стереотипы, связанные с городами, перекидывались на местные исторические школы и их представителей. Университеты, бывшие институциональными основами научных школ, являлись частью местного ландшафта: городского, культурного и социально-политического¹⁴.

Так, Петербургский университет органично вписывался в чиновничью атмосферу северной столицы. По воспоминаниям выпускника университета, профессора С.С. Кузнецова, «старый Петербургский университет [дореволюционный – В.Т.] некоторыми своими порядками отражал блеск Петербурга: чопорно-вежливое и холодновато-обязательное обращение профессорско-преподавательского и технического персонала; белизна дверей и стен; совершенная прозрачность стекол в окнах и огромных книжных шкафах из ясеневого дерева... сверкание до зеркальности натертого паркета... Профессора в скромных черных сюртуках представлялись нам небожителями, проповедниками каких-то исключительных истин»¹⁵.

В противовес официальному Петербургу московская общественность бравировала своей оппозиционностью (надо сказать, весьма умеренной). Например, это выражалось в довольно частых забастовках профессоров и студенчества. В Москве сложилась тесная связь местной предпринимательской и интеллектуальной элиты. Развитое городское самоуправление, активное участие профессуры в работе Московской городской думы, немало способствовало этому: «Сотрудничество в думе с

¹⁴ Подробнее см.: Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.

¹⁵ Цит. по: Ростовцев Е. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009. С. 262-263.

профессорами и выходцами из Московского университета оказывало серьезное личное влияние на основоположников крупных московских купеческих династий, в большинстве своем не имевших высшего образования. В результате их сыновья становились студентами Московского университета, уделявшими пристальное внимание науке и просвещению»¹⁶. На историко-филологическом факультете получили образование известный предприниматель и политик А.И. Гучков и выдающийся историк С.В. Бахрушин, выходцы из старых московских предпринимательских фамилий.

Авторитет их семей требовал активной общественно-политической работы на благо московского общества. Так, С.В. Бахрушин был депутатом Московской городской думы три раза. О своих первых выборах он не без иронии вспоминал: «...Я чувствовал вокруг своей головы ореол от блеска моей фамилии... На предвыборном собрании с обеих сторон произносились колкие и укорительные речи, дебатировались программы, вопросы, когда поднялся высокий, седой как лунь, старик в длиннополом сюртуке и в нескольких словах нравоучительным тоном рекомендовал выбирать “таких людей, как Бахрушин”: он меня не знал, не имел никакого представления о моих качествах и недостатках; он видел во мне лишь представителя той породы людей, которых “надо” выбирать, и кои по своему положению призваны исполнять функцию гласных...»¹⁷. Тесная связь с социально-политической жизнью города толкала московских историков к написанию исследований на общественно значимые темы. Одной из самых популярных была история местного самоуправления, очевидно навеянная проблемами московского самоуправления.

¹⁶ Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Там же. С. 391.

¹⁷ Архив Российской академии наук Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 2. Ед.хр. 69. Л. 4.

Современные специалисты в области историографии, при попытке выявить различия между московской и петербургской историческими школами, в первую очередь делают упор на изучении особенностей в методологии и методике исторического исследования. Традиционно указывается следующие особенности.

У петербургской школы «русских историков»: 1) анализ исторической реальности «от источника», отсюда активное развитие источниковедения как особой научно-исторической дисциплины, культивирование источниковедческого подхода, развитие вспомогательных исторических дисциплин; 2) акцент на тщательном анализе фактической стороны, отказ от априорного теоретизирования; 3) источниковедческий характер исследований вызывал заметный интерес к гносеологическим проблемам исторической науки; 4) благодаря наличию общероссийских центров публикации источников в Петербурге (Археографическая комиссия и Постоянная историческая комиссия), естественным было повышенное внимание к археографии; 5) стремление дистанцироваться от активной политической жизни; 6) аморфность сообщества «русских» историков Петербургского университета, наличие двух ярко выраженных лидеров: С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского.

У московской школы: 1) изучение истории, отталкиваясь от проблем, а не от наличных источников; 2) более заметная концептуализация полученных данных, нежели у петербургских коллег, развитие «исторической социологии» (концепция В.О. Ключевского); 3) отсутствие активной археографической работы, «археография для себя» (термин С.В. Чиркова¹⁸); 4) активная политическая позиция, полноценное участие в политической

¹⁸ Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX - начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции. Пенза, 25-26 июня 2001 года. Кн. 1. М., 2005. С. 130.

жизни (партиях, общественных организациях и т.д.); 5) наличие ярко выраженного лидера в лице В.О. Ключевского, воспитавшего не одно поколение исследователей. Это привело к наличию общей концепции русской истории (колонизация как главный фактор, классовый подход, акцент на социально-экономических проблемах с учетом государственно-правовых факторов и т.д.). Фактически ученики В.О. Ключевского (за исключением П.Н. Милюкова и Н.А.Рожкова, которые попытались разработать собственные теории) дополняли схему учителя конкретно-историческими изысканиями. Как следствие, отличительной чертой московской исторической школы была последовательность в выборе тем исследования. Диссертации учеников Ключевского, как правило, были продолжением работ их предшественников, составляя стройную череду последовательного раскрытия ключевых проблем русской истории.

В связи с тем, что у московских историков-русистов был ярко выраженный лидер в лице В.О. Ключевского возникает логичный вопрос, а не правильнее ли данному сообществу историков дать наименование «школы В.О. Ключевского». С моей точки зрения, это неверно по нескольким причинам. Во-первых, большое влияние на московских историков-русистов оказывали специалисты по всеобщей истории, в частности П.Г. Виноградов, который учил их технике исторического исследования, работе с источниками. Во-вторых, не все ученики Ключевского оставались последователями его концепций, методологического подхода и методических приемов. Например, П.Н. Милюков и Н.А. Рожков предложили альтернативные теории. В-третьих, в московской исторической школе можно выделить как минимум два поколения. В этих условиях такие историки, как Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и др. учились не столько у Ключевского, сколько у его старших учеников, к тому времени внесших ряд новаций в концепции мэтра и предложивших новые подходы к исследовательской практике. О сложной структуре петербургского сообщества «русских историков»

уже говорилось, поэтому здесь также целесообразнее говорить о петербургской школе как особом феномене.

Атмосфера городов сказывалась на подходах к исследованиям, сложившихся в университетах и ставших визитными карточками школ. По обоснованному мнению Е.А. Ростовцева, общественно-политическая атмосфера, царившая в двух университетах, повлияла и на стиль исторических исследований. Так, более свободная и политически активная позиция способствовала стремлению к концептуальному осмыслению в Московском университете, в то время как постоянный правительственный контроль в Санкт-Петербурге толкал к более деидеологизированной научно-критической работе с историческими источниками, «идеографическому стилю исследований»¹⁹.

Д.А. Цыганков указывает на то, что семинарские занятия, практикуемые в Московском и Петербургском университетах, также строились на разных принципах. Первые ориентировали на изучение исторических проблем, а вторые – на овладение исследовательской техникой в области вспомогательных научных дисциплин. «Как следствие различных методических установок в области источниковедения и историографии, практикуемых на семинарах, наметился разный подход к написанию исторических сочинений у московских и петербургских школ исследователей. Сочинения московских историков имели в виду читающую публику вообще, образованное русское общество. Петербургские исследователи стремились к написанию научных монографий для специального пользования»²⁰.

Итак, в работах современных историографов достаточно отчетливо прописаны отличительные черты двух ведущих научно-исторических школ России конца XIX – начала XX вв. Но те различия, которые, безуслов-

¹⁹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

²⁰ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 67.

но, присутствовали, не объясняют того устойчивого разграничения между московскими и петербургскими историками, которое отчетливо прослеживается в научной среде России конца XIX – начала XX вв. Думается, что при объяснении феномена противостояния московской и петербургской школ весьма плодотворно будет применение социо-культурного подхода.

Впервые на культурно-психологические предпосылки появления московской и петербургской школ обратил внимание С.В. Валк. В обширной статье, посвященной 125-летию Петербургского (Ленинградского) университета, он заметил: «История каждого из русских университетов теснейшим образом связана не только с историей общих судеб русского просвещения, но и с теми особыми и местными условиями, в которых жил и развивался каждый из университетов»²¹. Из современных исследователей на культурно-психологический аспект при рассмотрении специфики петербургской школы указывает С.В. Чирков: «Однако при всех различиях между собой «малых» школ [имеется в виду «школа Платонова» и «школа Лаппо-Данилевского» - В.Т.] их объединяло общее противопоставление петербургской школы московской исторической школе. Здесь наглядно выступает наибольшая актуальность при формировании самосознания научной школы антиномии отчетливо социально-психологического порядка: «мы и они». Такое противопоставление Б.Ф. Поршнев считал основой самосознания этноса, но ведь научная школа тоже “культурная общность”»²². К сожалению, ни С.В. Валк, ни С.В. Чирков не развили эти интересные и плодотворные мысли, не насытили их конкретно-историческим материалом. Между тем мы находим достаточно много фак-

²¹ Валк С.В. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7.

²² Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX-начале XX века... С. 116.

тов, позволяющих трактовать данный вопрос в том числе и как культурную проблему. На плодотворность изучения схолярной проблематики в контексте темы «Москва-Петербург» указал С.О. Шмидт²³.

3

Конец XIX – начало XX вв. – время расцвета «схолярного» самосознания. Несмотря на то, что в действительности различия между московской и петербургской школами стремительно исчезали, инерция культивирования непохожести сохранялась. Любопытно отметить и еще одно наблюдение: часто под школой, может быть не вполне осознанно, понимали интеллектуальную среду Московского, Петербургского и Киевского университетов.

Стремление «держаться» своих приводило к тому, что часто представителю из другого университета чрезвычайно трудно было влиться в местное ученое общество историков. Например, П.Н. Милюков, занятый поиском места работы после конфликта с Ключевским, в 1891 г. писал С.Ф. Платонову: «Ясно только, что я не попаду в Киев – из политики, так как в Киеве необходимо, я думаю, киевлянин, а на каждого из нас они будут смотреть как на “кацапа”»²⁴.

Московские историки также ревностно относились к проникновению в свою среду чужаков, представителей других университетов. Характерную позицию занимал М. М. Богословский. После того, как в 1911 г., в знак протеста против вмешательства министра народного просвещения Л.А. Кассо в университетскую автономию, многие университетские преподаватели подали в отставку, а А.А. Кизеветтер отказался занять кафедру

²³ Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012. С. 487-490.

²⁴ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2. С. 177.

русской истории, Богословский принял предложение возглавить историко-филологический факультет, мотивируя это тем, что иначе наследие В.О. Ключевского достанется М.В. Довнар-Запольскому, выходцу из Киевского университета. «Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться»²⁵. Похожие настроения наблюдались и у М.К. Любавского. «Любавский очень осторожно относится к появлению в Москве беглецов из чужого университета»²⁶, – отмечал А.Е. Пресняков.

Иная позиция была присуща петербургскому научному сообществу. Там традиционно находили пристанище представители различных университетских центров. Можно вспомнить К.Н. Бестужева-Рюмина и Н.И. Кареева, окончивших Московский университет, а также Н.И. Костомарова, воспитанника Харьковского университета. Возможно, это можно объяснить тем, что Петербург, всегда находящийся на стыке культур (европейской и русской), воспитывал более терпимое отношение к разным научным стилям. Все это привело к относительной аморфности петербургской исторической школы. Впрочем, можно привести и примеры стремления «закрыть» местное сообщество для пришельцев. С.Ф. Платонов откровенно писал П.Н. Милокову о возможности закрепиться в Петербургском университете: «Здесь же в университете мудрено будет Вам устроить экстраординатуру раньше Форстена и даже идиота Щукарева. А сладко ли будет Вам (и мне, поклоннику Московского университета), если после Ключевского поса-

²⁵ *Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011. С. 325.*

²⁶ *Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 662.*

дят, например, Лихачева или иного чужака в силу того, что Вы сами уехали из Москвы?»²⁷.

Школа превращалась в своеобразный маркер, позволяющий судить о достоинствах историка. Причем признавался ограниченный круг «настоящих» научных школ. Например, за Казанским университетом петербургские и московские коллеги собственной школы не признавали. Об этом свидетельствует письмо С.Ф. Платонова от 17 февраля 1891 г., написанное П.Н. Милюкову. В нем ученый пишет: «Здесь недавно был, а может быть, и есть молодой Фирсов, казанский магистрант: любопытный человек. Когда он будет у Вас в Москве, присмотритесь к нему, к этому отпечатку безшколия, который на нем лежит»²⁸. Уместно заметить, что Платонов скромно считал, что в Петербургском университете говорить о полноценной школе по русской истории не приходится: «Школы... по русской истории собственно у нас не было». А в научном мире, где школа играет определяющую роль, это может оказаться негативным фактором в профессиональной карьере: «А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно толкать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и ветрила”»²⁹. Сложно сказать, почему ученый отрицал наличие собственной школы в Петербургском университете. Возможно, причиной тому был тот факт, что петербургские историки так и не сумели предложить собственной концепции русской истории в противовес теории В.О. Ключевского, что и вызвало чувство некой неполноценности и вторичности.

²⁷ Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / публ. В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003. С. 317.

²⁸ Там же. С. 315.

²⁹ Цит. по: Корзун В.П., Мамонтовой М.А. Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 168.

Для понимания влияния оппозиции «Москва-Петербург» на взаимодействие московской и петербургской школ «русских историков» большой материал дают источники личного происхождения (переписка, дневники, мемуары), оставленные историками обеих столиц. Наглядный пример – переписка П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова. Оба являлись ярко выраженными представителями своих научных школ. П.Н. Милюков родился в Москве, окончил местный университет, учился у В.О. Ключевского. Московская атмосфера была его естественной средой. С.Ф. Платонов также родился в Москве и только в 9 лет переехал в северную столицу. Его родители были коренными москвичами. Он подчеркивал, что имеет право «считать себя чистым представителем южной (московской) ветви великорусского племени»³⁰. Близка историку и московская культура: «Не только происхождение, но и сознательная преданность Москве с ее святынями, историей и бытом делали моих родителей, а за ними и меня именно великорусскими патриотами»³¹. В Москве ученый чувствовал себя как дома. Возможно, именно московские корни подспудно толкали историка внимательно следить за достижениями коллег из Московского университета. Но именно Петербургский университет воспитал его как исследователя, а впоследствии Платонов станет одним из лидеров «русских историков» Петербурга, а затем и всей России.

В конце XIX – начале XX вв. наблюдается стремление молодых историков Москвы и Петербурга перекинуть «интеллектуальные мосты». Неудовлетворенность традиционными для петербургских историков подходами заставила Платонова внимательно следить за наработками московских коллег. В его письмах к П.Н. Милюкову чувствуется свое-

³⁰ *Сергей Федорович Платонов. Биография // Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. LXIV.*

³¹ Там же.

образный научный «провинциализм». Московские историки с явным пренебрежением относились к выпускникам Петербургского университета, поэтому Платонов опасался, что Милюков не будет смотреть на него как на равного. В письме от 1 марта 1890 г. он писал: «Я привык к некоторому выскомерило со стороны москвичей к той университетской среде Петербурга, которая меня воспитала, и ждал, чтобы Вы определили характер наших отношений»³². К счастью, Милюков не был заражен московским снобизмом. Тем не менее, описанное явление не было редкостью.

Московские историки, вобравшие в себя научные идеи своих учителей, вместе с тем были воспитаны в атмосфере противопоставления университетов обеих столиц. П.Н. Милюков, будучи в эмиграции писал в своих мемуарах: «По-прежнему университет, журнал, газета, наука занимали в Москве то первое место, которое в Петербурге принадлежало дворным, сановным и военным кругам. Это, так сказать, самодавление Москвы создавало больше уверенности в себе, больше душевного равновесия и спокойствия в среде интеллигенции, чем в вечно тревожном и нервном, вечно куда-то спешащем Петербурге»³³. В его другой работе, посвященной сравнению петербургского историка С.Ф. Платонова и московского историка А.А. Кизеветтера, есть похожие мысли: «Петербург официален, Москва вольнолюбива. Петербуржец – формалист, москвич всегда склонен доискиваться причин и «смотреть» в корень. В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок»³⁴.

Таким образом, П.Н. Милюков отчетливо проводит разграничительную линию между Москвой и Петербургом. С его точки зрения, московский социум строится на

³² Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову... С. 172.

³³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. С. 156.

³⁴ Он же. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51. С. 314.

неформальных общественных началах, где преобладает самоорганизация. Если Москва – культурная столица, то Санкт-Петербург – административный центр империи. П.Н. Милюков подчеркивает, что отличительной чертой москвичей является самостоятельность мышления, способность к глубокому анализу, в то время как петербуржцы склонны к систематизации, опасаются выдвигать смелые идеи. Московские интеллектуалы, по мысли П.Н. Милюкова, более независимы в отношениях с властью, в то время как петербургские научные круги склонны к компромиссу с «дворным, сановным и военным кругами». Но у москвичей, по сравнению с петербуржцами, есть и недостаток – непрактичность и недисциплинированность. В письмах к Платонову Милюков шутовски-уничижительно называет себя «неповоротливым москвичом», «московским ротозеем», у которого отсутствует «особый талант» петербуржца – «поспевать всюду и делать в десять раз больше нас, московских ротозеев»³⁵.

В письме к матери тогда еще начинающего историка-петербуржца А.Е. Преснякова, который приехал в Москву для работы в архивах летом 1892 г. и по рекомендации С.Ф. Платонова посетил П.Н. Милюкова, мы находим описание следующего эпизода: «Милюков принял меня очень радушно... У него я встретил еще каких-то причастных к науке субъектов – и про всех можно сказать, что действительно “от головы до пяток есть московский отпечаток”. Мне как-то сразу стали понятны слова Платонова, что “в Москве люди себе цену знают”. Сразу поразил какой-то твердый решительный и, пожалуй, даже слишком самоуверенный тон, не избегающий резких выражений и, в частности, довольно-таки пренебрежительное отношение к Петербургскому университету»³⁶.

³⁵ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову.... С. 173.

³⁶ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 34.

В письме к своей жене Пресняков еще в более резких тонах описывает произошедшее: «Москва все та же, старая и грязная Москва, и люди все такие же, довольные своими уголками, самоуверенные. Если бы Вы слышали, как пренебрежительно третируют здешние доценты наш Петербургский университет. Один даже сказал что-то вроде того, что интересно было бы сосчитать, сколько идиотов (!) между петербургскими профессорами. Хороши мальчики, нечего сказать. Можно подумать, что они сами-то великие люди»³⁷.

В приведенных выше цитатах наглядно видны различия в менталитете. Если Милюков с гордостью подчеркивает «оригинальность» москвичей, то Преснякову это кажется самоуверенностью. Причем Пресняков указывает на это как на характерную черту: «от головы до пяток есть московский отпечаток». Задело Преснякова и пренебрежение к его родному университету. Ценно указание на предостережение С.Ф. Платонова, который готовил своего ученика к столкновению с людьми, которые «себе цену знают». Таким образом, можно констатировать, что в петербургской научно-исторической среде сложилось стойкое представление о москвичах как заносчивых и резких людях. Тем не менее, Пресняков отмечает, что в этой бравате есть и положительные стороны: «А все-таки хорошо, что люди так бодро на вещи смотрят, как здешние и что себе цену знают, хотя бы и преувеличивают ее»³⁸.

Справедливости ради, нужно указать, что в письме другого петербургского историка, С.В. Рождественского, впечатления о московских профессиональных историках совсем иное. «В двухчасовой беседе, посвященной московским и петербургским злобам дня, ничего обидного для петербургского самолюбия выслушать мне

³⁷ Там же. С. 412.

³⁸ Там же.

не пришлось»³⁹, – писал Рождественский. Впрочем, как утверждают авторы статьи: «Значимым для Рождественского является взгляд москвичей на петербургских историков, его ухо улавливает малейшие нюансы таких оценок, и практически каждое его письмо содержит такую информацию»⁴⁰. Это указывает на то, что Рождественский был изначально готов к разного рода колкостям со стороны москвичей, поэтому он и отмечает тот факт, что их не было.

Если петербуржцы считали москвичей слишком самоуверенными, то мнение о Петербурге как столице чиновников и придворных, где невозможно свободное научное творчество было весьма распространено в московских кругах. С.В. Веселовский, которому долгое время не давали преподавать в Московском университете, после того, как возникла возможность получить научное звание в Санкт-Петербурге и начать там свою педагогическую карьеру, отказался от этого предложения. В своем дневнике за 1916 г. он следующим образом объяснил это решение: «Мне представляется, что в П[етербурге] меньше оригинальных людей и независимых характеров, чем в Москве, но средний уровень культуры много выше московского. Нельзя же считать научной средой чиновников от науки, группирующихся около университета, курсов и т.д.»⁴¹.

В 1918 г., в эпоху тотальной ломки привычного мира, уже другой московский историк, Ю.В. Готье, рассуждал в том же направлении. Категорический противник большевиков он считал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями есть проявление их менталитета, сформированного близостью

³⁹ Корзун В.П., Мамонтова М.А., В.Г. Рыженко. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002. С. 97.

⁴⁰ Там же. С.

⁴¹ Веселовский С.В. Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 106.

научного сообщества в Петербурге к власти вообще. «Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым. Раньше это не осознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспосабливаются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы – трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы»⁴².

Поразительно как представление Веселовского и Готье о Петербурге и петербургских историках совпадает с записями Милюкова. Очевидно, что это указывает на общий стереотип, существовавший у московских историков.

5

Понимание проблемы «Москва-Петербург» в контексте российской исторической науки конца XIX – начала XX вв. будет неполным без анализа образов обоих городов, которые сложились у «русских историков» двух университетов. Образ города по определению оказывался противоречив: в нем тесно переплетались устоявшиеся стереотипы и личные впечатления.

Одним из «отцов-основателей» московской исторической школы являлся В.О. Ключевский (1841 – 1911). Учитывая его колоссальное влияние на учеников, составивших цвет «русских историков» Московского университета, становится особенно актуальным анализ его рефлексии, даже скорее интуитивного, эмоционального восприятия Москвы⁴³. Важно подчеркнуть и то, что Ключевский – представитель провинции, поэтому, с одной стороны, мифы и стереотипы, культивировавшиеся в московской среде, не были для него чем-то само собой

⁴² Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9. С. 156.

⁴³ Куреева Р.А. В.О. Ключевский в Москве // Краеведы Москвы. Вып. 3. М., 1997. С. 82-101.

разумеющимся, а с другой – его взгляд отражал восприятие Москвы провинциальной Россией.

Наглядно становление и эволюцию восприятия Москвы молодым Ключевским можно найти в его переписке студенческих лет. Только что окончив пензенскую семинарию и отказавшись от духовной карьеры, молодой человек приехал из Пензы в Москву для поступления на историко-филологический факультет Московского университета. В письме от 23-25 июля 1861 г. пензенским родственникам И.В. и Е.Ф. Европейцевым Ключевский так описал свое впечатление от приезда в пока еще незнакомый город: «Москвы за темнотой и пылью нельзя было рассмотреть нисколько; чуялось что-то громадное и только»⁴⁴. Правда пензенца смущает местная дороговизна. Обнаруживается и присущая провинциалам мечта покорить столицу: «...Я ехал в Москву, крепко надеясь на Бога, а потом на вас [родственников] и на себя, не слишком рассчитывая на чужой карман, что бы там со мной не случилось»⁴⁵.

Любопытен и другой эпизод: прежде чем въехать на поезде в Москву, будущий историк специально сходил в баню, потому что «пензенскую и дорожную пыль я посовестился везти в Москву». Ключевский объяснил это тем, что «к такому городу, как матушка-Москва златоглавая, нужно подъезжать с чистым телом по крайней мере, если не с чистой душой»⁴⁶. Словосочетание «матушка-Москва» подчеркивает сакральный статус этого города, являющегося священным для любого русского. Более того, в данном случае наблюдается и некий религиозный оттенок: в «златоглавую» желательно приезжать с чистой душой, а помывка в бане является чем-то средни омовения. Заметно и противопоставление (пусть в несколько шутливой форме) Пензы (провинции) и

⁴⁴ *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. IX. С. 118.

⁴⁵ Там же. С. 120.

⁴⁶ Там же. С. 121.

Москвы: «пензенской пыли» здесь не место. «Да, подумал я, здесь не Пензой пахнет»⁴⁷, – писал будущий студент в следующем письме П.И. Европейцеву. Уже из этого видно, что Москва воспринималась как нечто противоположное провинциальному миру.

Москву Ключевский рассмотрел только на следующий день. Впечатление было колоссальным: «Шум говор, стук, прилив и отлив толпы поразили меня; у меня дух захватило»⁴⁸. Человеку, не привыкшему к Москве, оказалось трудно ориентироваться в ее пространстве: «Ходишь по Москве, а Москвы не разберешь, всё улицы, улицы, улицы и всё улицы – заплутаешься, или пойдешь к югу и идешь все к югу, а вернешься домой с севера – и как это вышло так, не поймешь»⁴⁹. Московские улицы и дома он называет «странными», но вот людей, их населяющих, считает «вовсе не странными»⁵⁰. Но, несмотря на все, Москва воспринимается как истинно русский город: «А стоит того, чтобы походить да посмотреть; Русь вся тут, и с ногами, и с руками, и с голенищами даже»⁵¹.

Экзамены были сданы успешно, а абитуриент из Пензы превратился в московского студента. Естественно, что в центре жизни Ключевского находились Московский университет и его знаменитые профессора. Более того, студент был уверен, что Московский университет занимает особое положение в культурной и общественной жизни России. Даже после того, как из-за студенческих волнений осени 1861 г. поползли слухи о закрытии университета, он убежденно писал П.И. Европейцеву: «Для успокоения нужно Вам сказать, что уни-

⁴⁷ Там же. С. 124.

⁴⁸ Там же. С. 124.

⁴⁹ Там же. С. 125.

⁵⁰ Там же. С. 129.

⁵¹ Там же. С. 126.

верситет Московский не закроют никогда: это не Петербургский и никакой другой»⁵².

Конечно же, первые восторги, вызванные Москвой, сменились более трезвым взглядом на старую столицу. В письме другу по семинарии В.В. Холмовскому от 18 ноября 1861 г. (заметим, что прошло совсем немного времени с момента приезда и поступления) Ключевский признавал, что «в Москве есть разные вещи, и такие, которые на пристойном языке называются хорошими, и такие, которые на том же языке именуются “неприличными”»⁵³. Московские дамы так и вовсе вызывали отторжение: «В Москве нет хорошеньких [женщин], все дрянь бульварная. В театре, куда ни посмотри, все рожа да рожа, почти ни на ком человеческого лица нет. Тряпки, как и их юбки!»⁵⁴. Пестрота большого города бросалась в глаза. Ключевский подчеркивал, что в Москве вместе уживаются патриархальные нравы и разгульная жизнь.

Первое очарование прошло. Окончив 1861/62 учебный год, Ключевский признавался: «...Без сожаления и даже без всякого чувства оставляю я за спиной Москву; с Пензой я не расставался так. А ведь, кажется, и прожитой год в Москве стоил чего-нибудь: да, он многое стоит, так что в другой раз не повторится; дело ведомое, вчерашнего не воротить. А все же, выезжая из Москвы, я готов был сказать ей: “Э, убирайся!”»⁵⁵.

Возмущала историка и московская грубость нравов. В 1867 г. общественность всколыхнул следующий случай: местный миллионер побил немца и немку в трактире. Комментируя это, Ключевский писал своему другу П.П. Гвоздеву: «Москва – как всегда: голова у задницы, а впереди живот да кулаки»⁵⁶.

⁵² Там же. С. 161.

⁵³ Там же. С. 174.

⁵⁴ Там же. С. 175.

⁵⁵ Там же. С. 215.

⁵⁶ Там же. С. 251.

Заметна эволюция восприятия города историком от «матушки-Москвы», как места сакрального, к скепсису, даже негативному взгляду на вторую столицу. Образ Москвы у Ключевского, безусловно, противоречив. Тем не менее, Ключевский прочно вошел в жизнь города, стал его органичной частью. Жизнь вне города, ставшего привычной средой, вызывала у него дискомфорт. Об этом свидетельствуют письма уже прославленного ученого и лектора из поселка Абастумана, где он в течение в 1893 – 1894 гг. преподавал политическую историю великому князю Георгию Александровичу⁵⁷. В них находим: «...В день праздника [Рождества] буду много думать о Москве»⁵⁸. И еще: «Сегодня на меня нашло маленькое уныние: с 1865 года, когда я вступил в Московский университет, я в первый раз встречаю этот день вне Москвы»⁵⁹. Более того, историк упоминает о том, что Москва отличается «нравственными удобствами»⁶⁰. Очевидно, что необходимы дальнейшие исследования этой проблемы с привлечением дополнительных источников.

В.О. Ключевский стал одним из символов не только Московского университета, но и города в целом. По наблюдениям С.О. Шмидта: «Образ Ключевского постепенно обретает значение символа – и историка, и московского профессора, и обязательной украшающей части культуры и общественной жизни Москвы»⁶¹. В Москву ехали, чтобы услышать его лекции. А.А. Кизеветтер вспоминал, что после того, как в 1884 г. он окончил гим-

⁵⁷ *Киреева Р.А.* «История европейского человечества». Лекции В.О. Ключевского по истории Западной Европы в связи с историей России // В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. С. 16-22.

⁵⁸ Письма В.О. Ключевского из Абастумана // Там же. С. 452.

⁵⁹ Там же. С. 456.

⁶⁰ Там же. С. 463.

⁶¹ *Шмидт С.О.* Ключевский и культура России // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 313.

назию в Оренбурге, перед ним встал вопрос о выборе университета: «Ближайшим университетским городом к Оренбургу была Казань... Но меня неудержимо влекла к себе Москва. Уже в средних классах гимназии я твердо решил посвятить себя изучению русской истории, и к Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского...»⁶². Один из последних учеников мэтра, А.И. Яковлев (1878 – 1951), учившийся в 1890-е гг. в симбирской гимназии, специально узнавал у своего знакомого о лекциях Ключевского. Тот ответил: «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву»⁶³. Любопытно и другое: Ключевский стал (во всяком случае, у части русской интеллигенции) стойко ассоциироваться с «русской природой», превратился в ее символ. Тот же А.И. Яковлев свидетельствовал: «Вспоминаются слова одного славного художника*, который изучал и писал его на лекциях, и который после одной из лекций воскликнул: “Не знаю в русской природе ничего более прекрасного, чем Ключевский, произносящий свои лекции”»⁶⁴. Возможно, слава историка и блестящего знатока русских древностей позволяла ассоциировать его со всем исконно русским⁶⁵.

Трудно сказать, какое отношение у Ключевского сложилось к Санкт-Петербургу. Определенный свет на

⁶² *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 21.

⁶³ «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского / Публ. *В.В. Тихонова* // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 141.

* Вероятно речь идет о Л.О. Пастернаке, авторе картины «В.О. Ключевский читает лекцию» (1909)

⁶⁴ «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву...» С. 143.

⁶⁵ Подробнее о восприятии творчества В.О. Ключевского и его учеников см.: *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и русской культуре. Челябинск, 2010.

это проливает его художественное сочинение «Письмо француженки» (1886). В нем от лица француженки, которая посещает Петербург второй половины XVIII в., описываются нравы русского дворянства. Этот персонаж зло рассуждает о стремлении русской аристократии паразитировать на всем европейском. Она предостерегает: «Народ, живущий за счет другого, мстит сам себе за собственную неправду тем, что убивает сам себя, постепенно теряя способность жить... Нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений»⁶⁶. Безусловно, мы можем лишь гадать, насколько такие оценки точно совпадали с взглядами самого Ключевского. Тем не менее, ясно, что этот текст был написан в форме художественного произведения не случайно, историк хотел выразить свое отношение к значимой для него проблеме. Скепсис к русской аристократии – характерная черта Ключевского. В этой связи можно предположить, что Петербург, как символ и средоточие этой пусть и европеизировавшегося, но паразитирующего слоя, не вызвал у него особых симпатий.

Но вернемся к образу Москвы. Не менее ошеломляющее впечатление, чем на молодого Ключевского, Москва произвела на его будущего ученика А.А. Кизеветтера. Он вспоминал: «В середине лета 1884 г. я очутился в Москве, на Мясницкой, в номерах «Швейцария». На первых порах Мясницкая меня ошеломила. Мне показалось, что я попал в какое-то вавилонское столпотворение. Непрерывный грохот экипажей, бесчисленное количество торопливо снующих по разным направлениям людей, столбы, обклеенные саженными плакатами со всевозможными объявлениями, резкие звонки omnibusов – все это дурманило меня, привыкшего к сонной тишине провинциального медвежьего угла. И сердце билось радостно. Какой-то новый, неведомый мир, полный движения и красок, готов был раскрыться перед моими

⁶⁶ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 329.

взорами. Было такое чувство, словно я из тихого затончика выбежал на легком челноке в необозримое открытое море, и уже было предчувствие, что это море сулит мне и радости и бури»⁶⁷. Многих провинциалов, в том числе и тех, кто хотел посвятить себя исторической науке, Москва поражал своим размахом и динамизмом. Москва представлялась молодому человеку «лучезарным центром кипучей умственной работы»⁶⁸, манила своими возможностями.

Теперь обратимся к наследию авторитетного среди петербургских историков профессора Петербургского университета, академика, одного из основателей петербургской школы историков-русистов К.Н. Бестужева-Рюмина (1829 – 1897), уроженца Нижегородской губернии. Увлечшись под влиянием своего гимназического учителя П.И. Мельникова (Печерского) историей и литературой, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, впрочем вскоре перейдя на юридический⁶⁹. Летом 1847 г. молодой человек приехал в Москву. Вместе со своим другом, будущим известным всеобщим историком С.В. Ешевским, он осматривал древнюю столицу: «Москва и Кремль повеяли на нас своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговения к старине пробивалось в наших разговорах. С юношеским негодованием смотрели мы на перестройки древних зданий и пристройки к ним: нам больно было видеть, что новая жизнь коснулась исторической святыни»⁷⁰. Итак, молодые люди (оба выходцы из провинции) воспринимали Москву как центр истории, старой русской жизни.

Стечение обстоятельств заставило ученого переехать из Москвы в Петербург в 1859 г. В письмах к ма-

⁶⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий... С. 21.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.

⁷⁰ Там же. С. 26.

тери он подчеркивал свое оптимистичное настроение, но в то же время, признавался, что «Петербург глядит на меня все еще как-то дико: никого не знаю здесь; другие нравы, другие люди и другие понятия. Мы, москвичи, сходимся здесь чрезвычайно туго; здесь все в деньгах, и статьи (разумеется, знаменитостей) продаются чуть ли не с аукциона. Противно смотреть даже!»⁷¹. По наблюдениям исследователя творчества К.Н. Бестужева-Рюмина Р.А. Киреевой, переезд в северную столицу повлиял даже на подчёрк: он стал более правильным, ровным, аккуратным, даже чопорным, как атмосфера Петербурга⁷².

Среди петербургских историков наиболее обстоятельные рассуждения о Москве и Петербурге и научно-исторических сообществах обеих столиц как культурных противоположностях мы находим у А.Е. Преснякова. Он не был коренным петербуржцем, но долгое время прожил в столице, учился в местном университете. Как специалист по допетровской Руси ему было необходимо ездить в Москву, чтобы работать в архивах, там он часто сталкивался и с московскими историками. В своих письмах он фиксировал многие впечатления от знакомства со второй столицей.

Первое впечатление от майской Москвы 1892 г., которое мы находим у Преснякова, имеет весьма негативный оттенок: «Идя по Москве, я был действительно поражен видом белокаменной: грязь потрясающая. Кажется, в этой белокаменной белено только было, что мой китель»⁷³. Но первое негативное впечатление вскоре сменилось симпатией к своеобразному колориту Москвы: «...Делать нечего, и теряешь много времени. Трачу я его на хождение по Москве, которая все больше и больше нравится мне своей характерной физиономией и оживленностью. Я вполне понимаю, как скучен Петер-

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² Там же. С. 58.

⁷³ *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 34.

бург для москвичей, как бесцветна и скучна петербургская толпа сравнительно с здешней»⁷⁴. Именно разнообразие и неформальность социокультурного мира Москвы начинает привлекать автора процитированных строк. Люди здесь кажутся более раскрепощенными и оригинальными: «Вообще в Москве, кажется, не переводятся живые люди»⁷⁵. В противоположность грязной, но колоритной и разнообразной Москве, Петербург уже представляется историку скучным: «В общем, Петербург такой же скучный и скверный, как всегда, несмотря на хорошую погоду»⁷⁶.

Пресняков во многом был согласен со своими московскими коллегами в оценке петербургской атмосферы. В письме матери от 4 марта 1894 г. находим следующие рассуждения: «Миклашевский [И.Н. Миклашевский – историк, специалист по истории финансов – *В.Т.*], очень симпатичный и знающий человек, – без места. Его, впрочем, вызвали в министерство, поручили какое-то дело и, верно, оставят его здесь, хотя ему очень тяжело расставаться с Москвой. Сильно не по душе ему наша питерская атмосфера, и я вполне разделяю его мнение»⁷⁷.

Преснякова не устраивала соглашательская позиция по отношению к властям, которая была традиционно присуща представителям Петербургского университета. Комментируя события 1894 г., когда 42 московских профессора во главе с А.А. Остроумовым подали петицию с прошением о смягчении участи высланных из Москвы после волнений студентов, он пишет: «Молодцы москвичи, у нас ничего подобного быть не может»⁷⁸.

С годами симпатия и любовь к Москве только росли. Пресняков начал все больше ценить ее неповторимую «провинциальность». «А воздух чистый, свежий.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 39.

⁷⁶ Там же. С. 144.

⁷⁷ Там же. С. 129.

⁷⁸ Там же. С. 168.

Так хорошо дышится после города. И сама Москва не производит на меня такого «городского» впечатления, как Петербург. Как-то тут свободнее, проще... И люди московские – другие, в трамваях, на улице... Спокойные, веселые, никуда не торопятся, не суетятся». Но при этом историк отмечал и разительные перемены, происходящие с Москвой: «А вместе с тем Москва растет, меняется, пожалуй, больше, чем Петербург... Правду говорят, “что город, то норв”»⁷⁹.

В 1909 г., в письме к жене, Пресняков признается, что Москва ему нравится больше, чем Санкт-Петербург. «Право, помимо пристрастия, хороший город. Гораздо шире, красивее Петербурга. Я рассказывал тебе, что тут и магазины много эффектнее, и как-то все крепче и свободнее. Очень бы хотел тебе Москву показать. И как-то боязно, что тебе моя милая Москва – совсем не понравится. Ведь она довольно неряшливая и во многом – все-таки купчиха. Не то, что элегантная, бойкая Варшава. Но по-своему она мне гораздо больше нравится. Тут мне, вероятно, и жилось бы хорошо, шире и свободнее, чем в Петербурге. Тут в жизни больше энергии и меньше суеты»⁸⁰. Примечательно замечание автора о том, что в Москве «больше энергии и меньше суеты». Как это разительно отличается от мнения петербуржцев первой половины XIX в., которые считали Москву патриархальным и нединамичным городом, столицей дворянского гедонизма⁸¹. На смену праздному московскому дворянству пришла деловитая буржуазия.

Итак, отношение Преснякова к Москве было более чем положительным. Но, несмотря на искреннюю любовь к Москве и симпатию к московскому менталитету, именно Пресняков сформулировал тезис об особом статусе петербургской исторической школы, во многом отличной от московской. На защите докторской диссертации

⁷⁹ Там же. С. 618.

⁸⁰ Там же. С. 626.

⁸¹ *Figes O. Natasha's dance. A cultural history of Russia. L., 2002. P. 162.*

ции «Образование Великорусского государства» в 1918 г. он произнес речь, в которой разделил московскую школу, как школу, основанную на отвлеченном теоретизировании, и петербургскую, где господствует источник. «Я определил бы ее [петербургской школы – *В.Т.*] характерную черту как научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»⁸².

Здесь Пресняков как бы поставил с ног на голову тезис Милюкова: «В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок». Если Милюков видел превосходство Москвы именно в смелости мысли, то теперь Пресняков, напротив, усмотрел преимущество петербургской школы в осторожности и обстоятельности, отказе от априорного теоретизирования.

Рассмотренные образы городов со всей наглядностью показывают, что мифология обеих столиц являлась элементом мировоззрения историков. Москва – «святой город», исторический центр России. Петербург – динамичный, но «казенный» мегаполис. Столкновение и личный опыт нередко разрушали эти стереотипы или трансформировали их.

Итак, из приведенных выше примеров видно, что противостояние, которое было характерно для исторических школ в конце XIX – начале XX вв. основывалось в том числе на культурных стереотипах (которые нередко вполне могли совпадать с реальностью). Петербуржец – формалист, следовательно, и петербургский историк в первую очередь будет заниматься не осмыслением полученных исторических фактов, а их проверкой и первичной систематизацией. Москвич же – «оригинал», он предрасположен к осмыслению истории, к анализу первопричин и созданию смелых концепций.

⁸² Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

В заключение, можно сделать вывод, что различия между двумя научными сообществами скрывались не только в научном творчестве, но и в менталитете, сформированном культурной средой Москвы и Петербурга. Хотя, в конце XIX – начале XX вв. наблюдается все более заметный курс на кооперацию историков Петербургского и Московского университетов. Мифы не могли являться препятствием для активного сотрудничества, но они создавали предпосылки для разграничения «своих и чужих», формировали фон для рефлексии об «особенностях» двух научно-исторических сообществ.

* * *

Запись доклада и обсуждение можно посмотреть по ссылке <http://www.worldhist.ru/News/384/8952/>

Библиография

1. Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.
2. *Богословский М.М.* Дневники 1913-1919. М., 2011.
3. *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.
4. *Валк С.В.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000.
5. *Веселовский С.Б.* Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2.
6. *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9.
7. *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и русской культуре. Челябинск, 2010.
8. «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского / Вступ. ст., подг. текста *В.В. Тихонова* // Вестник архивиста. 2011. № 2.
9. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997.

10. *Киреева Р.А.* В.О. Ключевский в Москве // Краеведы Москвы. Вып. 3. М., 1997.
11. *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
12. *Киреева Р.А.* «История европейского человечества». Лекции В.О. Ключевского по истории Западной Европы в связи с историей России // В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012.
13. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
14. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. I, IX;
15. *Корзун В.П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2.
16. *Корзун В.П., Мамонтова М.А.* Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002.
17. *Корзун В.П., Мамонтова М.А., В.Г. Рыженко.* Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002.
18. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.
19. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990.
20. *Милюков П.Н.* Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51.
21. *Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
22. Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / публ. В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003.
23. *Попов А.С.* Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис... докт. ист. наук. Пенза, 2002.
24. *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005.

25. *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920.
26. *Розенталь И.С.* Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004.
27. *Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа.* Рязань, 2004.
28. *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.
29. *Смирнов С.Б.* Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000;
30. *Федотов Г.П.* Две столицы // Новый мир. 1989. № 4.
31. *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.
32. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.
33. *Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX-начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии.* М., 2005. Кн. 1.
34. *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
35. *Шмидт С.О.* Ключевский и культура России // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
36. *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012.
37. *Figes O.* Natasha's dance. A cultural history of Russia. L., 2002.